

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2021

А. П. Дмитриев

Борис Федорович Егоров как исследователь славянофильства

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_357

Аннотация: В статье, сочетающей жанровые особенности научного некролога и библиографического исследования, анализируются основные этапы жизненного пути и творческой деятельности выдающегося филолога и культуролога Бориса Федоровича Егорова. Целью работы является выяснение его вклада в изучение славянофильства в контексте общего состояния исследований по этой научной проблеме в СССР в 1960–1980-х гг. и в Российской Федерации в 1990–2010-х гг. Уделено внимание неизвестным ранее фактам противостояния ученого органам советской цензуры за возможность научного издания славянофильского наследия и публикации объективных исследований о нем, не искаженных идеологической конъюнктурой. Выясняются психологические причины особой близости Б. Ф. Егорова к основному объекту его изучения — Алексею Хомякову (их сближают личностные качества: жизнелюбие и веселость; культ романтической рыцарской этики, любовь к человеку, истине, Отечеству). Продемонстрированы в форме библиографического обзора основные направления деятельности Б. Ф. Егорова и его учеников по изучению славянофильства. Публикуется текст выступления ученого на конференции, посвященной 200-летию Ю. Ф. Самарина (2019).

Ключевые слова: Борис Егоров, некролог, славянофильство, Алексей Хомяков, Юрий Самарин, консерватизм, полемика, советская цензура, текстология.

Об авторе: **Андрей Петрович Дмитриев**

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

E-mail: apdspb@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

Ссылка на статью: Дмитриев А. П. Борис Федорович Егоров как исследователь славянофильства // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 357–369.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917» в Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Andrey P. Dmitriev

Boris Fedorovich Egorov
as a Researcher of Slavophilism

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_357

Abstract: The article, combining the genre features of the scientific obituary and bibliographic research, analyzes the main stages of the life and creative activity of the outstanding philologist and culturologist Boris F. Egorov. The aim of the work is to clarify his contribution to the study of Slavophilism in the context of the general state of research into this scientific problem in the USSR in the 1960s–1980s and in the Russian Federation in the 1990s–2010s. Attention is paid to the previously unknown facts of the scientist's opposition to the bodies of the Soviet censorship for the possibility of scientific publication of the Slavophile heritage and the publication of objective research about it, not distorted by ideological conjuncture. The psychological reasons for the special closeness of B. F. Egorov to the main object of his study – Alexei Khomyakov (they are brought together by personal qualities: love of life and gaiety, the cult of knightly ethics, love of man, truth, Fatherland) are clarified. The main directions of the activity of B. F. Egorov and his disciples in the study of Slavophilism are demonstrated (in the form of a bibliographic review). The text of the scientist's speech at the conference dedicated to the 200th anniversary of Yu. F. Samarin (2019) is published.

Keywords: Boris Egorov, obituary, Slavophilism, Alexey Khomyakov, Yuri Samarin, conservatism, polemics, Soviet censorship, textual criticism.

About the author: **Andrey Petrovich Dmitriev**

Doctor of Philology, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: apdspb@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

Article link: Dmitriev A. P. Boris Fedorovich Egorov as a Researcher of Slavophilism. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 357–369.

Funding: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation within the framework of the project no. 20-68-46021, “Slavophilism in the religious-philosophical dialogue: 1836–1917” at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Весть о кончине Бориса Федоровича Егорова (29.V.1926–3.X.2020), крупного русского ученого-гуманитария и замечательного, чистой души и необыкновенной доброты человека, потрясла всех знавших и любивших его. В первые же дни в газетах и интернете было опубликовано не менее двух десятков теплых поминальных статей, вышла большая передача на петербургском радио. Несмотря на, казалось бы, преклонный возраст (в мае 2021 г. мы готовились чествовать Бориса Федоровича в день его 95-летия), он был необычайно деятелен и крепок, буквально каждый год выпускал новую книгу — если не монографию, то тщательно подготовленный сборник сочинений какого-либо писателя — как правило, такого, чье наследие ученый возвращал из области забвения в активный научный оборот. В сентябре 2020 г., когда волна пандемии коронавируса зримо пошла на спад, Борис Федорович, по совету лечащего врача, лег для профилактики на 10 дней в кардиологический стационар Городской больницы № 2 в Озерках, вернулся домой бодрый и внутренне посвежевший. Однако через день у него пропал аппетит, он стал ощущать усталость. Спустя еще 5 дней поднялась температура и он был срочно госпитализирован в Боткинскую больницу — как оказалось, с острой двусторонней пневмонией, развивавшейся стремительно, и на четвертые сутки скончался в реанимационном отделении. Родные, коллеги и ученики церковно помянули почившего на заочном отпевании 8 октября на подворье Коневского монастыря, что на Загородном проспекте, в нескольких кварталах от его дома.

В лице Бориса Федоровича мы лишились выдающегося, разностороннего литературоведа, талантливой историка и культуролога, видного специалиста по истории русской литературы и общественной мысли XVIII–XX вв. Он принадлежал к числу тех ученых, которых не было нужды представлять особо. «Ветеран российского литературоведения» [Пять книг, 2013], «выдающийся филолог», «патриарх литературоведения» [Патриарх, 2016] — таковы были обычные определения о нем многотиражных газет, причем в прижизненных редакционных статьях. В родном Петербурге его имя-отчество (без упоминания фамилии), Борис Федорович, звучало столь же общепонятно и весомо, как и имена-отчества его хороших товарищей Дмитрия Сергеевича (Лихачева) и Даниила Александровича (Гранина).

В России и на Западе он был известен прежде всего как ученый, вместе со своим другом и единомышленником Ю. М. Лотманом стоявший у истоков Тартуской семиотической школы. В те годы в голове Ю. М. Лотмана родилось дружеское прозвище БорФед — в обмен на соответствующее ЮрМих и с оглядкой на повесть Г. Белых и А. Пантелеева «Республика ШКИД». БорФедом его в 1950-х гг. именовали и другие друзья: З. Г. Минц, Л. С. Столович, С. Г. Исаков... Это прозвание было удержано несколькими поколениями младших коллег Бориса Федоровича, его аспирантов и студентов, которыми употреблялось, конечно, заглазно, но не с меньшими уважением и любовью, как и произносимое при живом общении полное имя-отчество.

Борис Федорович был одним из руководителей знаменитых издательских серий «Библиотека поэта» (заместитель главного редактора в 1962–1971 гг.) и «Литературные памятники» (член редколлегии с 1971 г., заместитель председателя с 1978 г., председатель в 1991–2003 гг., снова заместитель председателя в 2003–2020 гг.) в период их расцвета. В последнее время, с 2007 г., являлся главным редактором фундаментального 7-томного биографического словаря «Русские писатели, 1800–1917». Опубликовал более двух десятков книг и около 700 научных статей по литературной критике, истории отечественной культуры, теории литературы, эстетике, методологии литературоведения, структурализму, программированию и искусственному интеллекту (с начала 1960-х гг. он разрабатывал тему «Кибернетика и литературоведение») и многим другим научным направлениям. Некоторые его труды переведены на английский, французский, итальянский, немецкий, болгарский, польский, китайский языки [Дмитриев, 2016].

Он родился 29 мая 1926 г. в городе Балашове Саратовской области (том самом, который в 1917 г. был увековечен пастернаковским стихом: «Большой, как солнце, Балашов») в семье учителя рисования и черчения. Из-за перемены мест работы отца жил на Донбассе, в г. Лисичанске (1930–1936), затем в Старом Осколе (1936–1942). Разносторонность интересов и жажда познания были присущи ему с детства: он усиленно занимается математикой, ставит химические опыты; одновременно пишет роман для пионерской газеты (не принятый редакцией) и «издает» свои рукописные журнальчики: «Юный химик», «Муха» и «Ёж», заполняя их страницы, как и положено, разножанровыми материалами: передовыми статьями, беллетристкой, ребусами и шахматными задачами (в архиве ученого сохранился десяток экземпляров).

В 1943–1947 гг. Борис Федорович обучался в Ленинградском институте авиационного приборостроения (до 1945 г. институт находился в эвакуации в Ташкенте). Переехав в Ленинград, параллельно поступил на заочное отделение филологического факультета Ленинградского университета, и решающий выбор оказался в пользу литературоведения. Защитив диплом в 1948 г., он обучался в аспирантуре Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского, где в 1952 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики». Преподавал в Тартуском университете (1952–1962), получил там звание доцента; заведовал кафедрой русской литературы в 1954–1960 гг., превратив ее научный центр, впоследствии приобретший всемирную известность. В 1962 г. передал заведование кафедрой Ю. М. Лотману и вернулся в Ленинград, где до 1968 г. преподавал в ЛГУ, одновременно организуя работу редакторского коллектива «Библиотеки поэта».

Защитив в 1867 г. докторскую диссертацию «Русская литературная критика 1848–1861 гг.», в следующем году стал профессором и заведующим кафедрой русской литературы в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, где, в отличие от университета с его нездоровой, заидеологизированной атмосферой, Борис Федорович в короткий срок сумел создать творческий оазис, подобный тартуанскому. Его ученица, ныне профессор РГПУ им. А. И. Герцена, доктор филологических наук Л. Е. Ляпина вспоминала: «1968–1978 годы, когда Борис Федорович руководил кафедрой, вошли в память учеников и коллег как особенно плодотворное, „золотое“ время в жизни коллектива. Человек внутренне свободный, Борис Федорович был чужд авторитарности, демократичен. Но его энтузиазм и умение обнаруживать и развивать интересные и значительные идеи в науке, литературе, жизни — заражали окружающих, и кафедра жила напряженной творческой жизнью. Проблемы и споры (например, методологические) — были; склоки и сплетни — нет» [Ляпина, 2016, 217].

Став в 1978 г., по приглашению академика Д. С. Лихачева, заместителем председателя редколлегии академической серии «Литературные памятники», Борис Федорович являлся научным сотрудником Института истории АН СССР; в 1993 г. в должности главного научного сотрудника работал в Санкт-Петербургском отделении Института социологии РАН, а в 1997 г. вернулся главным научным сотрудником в Санкт-Петербургский Институт истории РАН (как он теперь стал называться). Литературоведческие труды в этот период перемежались с историческими и культурологическими. Немалый общественный резонанс вызвали монографии: «О мастерстве литературной критики» (Егоров, 1980), «Борьба эстетических идей в России середины XIX века» (Егоров, 1982), «Петрашевцы» (Егоров, 1988), «Борьба эстетических идей в России середины 1860-х годов» (Егоров, 1991а), «Очерки по русской культуре XIX века» (Егоров, 1996), «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» (Егоров, 1999), «Аполлон Григорьев» (Егоров, 2000), «Боткины» (Егоров, 2004а), «Российские утопии» (Егоров, 2007), «Избранное. Эстетические идеи в России XIX века» (Егоров, 2009а), «Обман в русской культуре» (Егоров, 2012), «Творческая жизнь Бориса Чичибабина» (Егоров, 2016); сборники статей «Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания» (Егоров,

2001) и «От Хомякова до Лотмана» (Егоров, 2003б), две мемуарные книги (Егоров, 2004б и 2013), полное издание его переписки с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц (Лотман и др., 2018) и многие другие подготовленные им научные издания, прежде всего в академической серии «Литературные памятники».

Воспитанник петербургской филологической школы, Борис Федорович в своих трудах опирался, как правило, на изучение забытых книг, малоизвестной периодики, архивных материалов, открывая неведомые дотоле литературные и исторические факты, исследуя их с дотошностью первоклассного историка и на этом прочном основании возводя теоретические обобщения, заключенные в талантливые, запоминающиеся формулировки, которые оказывали и продолжают оказывать стимулирующее влияние на ход историко-литературной и общественной мысли. Новосибирский профессор Ю. В. Шатин, размышляя об этом удивительном творческом даре, писал: «Любое прикосновение Егорова-исследователя к литературному материалу различной давности, в том числе и почти двухсотлетней, оживляет этот материал, придает ему свежесть не меньшую, чем только что прозвучавшая новость» [Шатин, 2006, 5].

Всё это в полной мере относится и к работам Бориса Федоровича по славянофильству.

«Давно пора всерьез заняться славянофилами. Проблема эта жива...» — таким призывом 43-летний ленинградский литературовед Б. Ф. Егоров начал свою статью «Проблема, которую необходимо решать» (Егоров, 1969б, 128). По предложению члена редколлегии этого издания С. И. Машинского он принял участие в дискуссии, посвященной литературно-эстетической программе раннего славянофильства. Споры по этому вопросу отчетливо засвидетельствовали, насколько глубоко в тот период идейное обоснование этого важного общественно-литературного направления русской мысли было укоренено в политико-социологическую почву 1920–1930-х гг., то есть было упрощено, искажено и частично вульгаризировано. Причем, как констатировал Б. Ф. Егоров, «славянофилов именovali и крепостниками, и либеральными буржуа, и демократами. Таких разноречивых мнений, кажется, не было высказано ни об одном общественном явлении» (Егоров, 1969б, 128–129).

В своей статье он не стал раздражительно полемизировать с другими участниками дискуссии по частным проблемам, а избрал куда более плодотворный путь — спокойным тоном, свидетельствующим о продуманности и нравственной обеспеченности излагаемых убеждений, он, по его словам, «раскрыл прежде всего свой взгляд на природу славянофильства» (Егоров, 1969б, 129). Этот взгляд не имел никакого отношения к марксистской методологии, а базировался на изучении трудов авторитетных дореволюционных исследователей: Н. П. Барсукова, С. А. Венгерова, В. Н. Ляскового, В. В. Завитневича и др. (их имена, впрочем, вынужденно не назывались), а также, конечно, на внимательном чтении самих первоисточников — сочинений А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковых. Разумеется, как и все работы Б. Ф. Егорова, эта его статья о славянофильстве изобилвала яркими, талантливыми формулировками, оригинальными наблюдениями, неожиданными, но убедительными сопоставлениями. Очевидно, что ему была ближе позиция славянофилов, нежели их оппонентов западников. Приведем примеры. Первые, по словам Б. Ф. Егорова, «с опаской и подозрительностью смотрели на западный путь», «проницательно охарактеризовали реальные недостатки западной цивилизации: обуржуазивание жизни, обездушивание человека». У славянофилов «возникло противопоставление *реальной* Западной Европы *идеальной* России» (Егоров, 1969б, 130); «правда, „золотой век“ был для них не впереди, а позади» (Егоров, 1969б, 131); «своеобразный мессианизм, уверенность в том, что именно русский народ призван указывать другим народам путь к идеалу, приводили славянофилов не к националистическому высокомерию, а, наоборот, к чрезвычайной требовательности к себе и своей стране» (Егоров, 1969б, 132) и т. д.

Неудивительно, что вариант этой статьи уже вскоре, в 1971 г., был затребован у автора редакцией «Краткой литературной энциклопедии» и украсил соответствующий том (Егоров, 1971в).

Молодой профессор, уже достаточно известный к тому времени своими работами о Добролюбове, Чернышевском, Белинском, Ап. Григорьеве, М. Л. Михайлове, Некрасове и ряде малоизученных литературных критиков середины XIX в., отныне стал восприниматься и как один из ведущих специалистов по славянофильству, фактически призвавший освободить это явление от не выдерживающих критики догм и прочих идеологизированных ярлыков-наростов и изучать его *ab ovo* — непредвзято и ответственно. И прежде всего ставилась задача издания трудов славянофилов, что для советской цензуры в тот период было почти столь же неприемлемо, как, например, и обнародование сочинений белоэмигрантов или диссидентов.

В неопубликованной заметке «Один из последних могикиан — граф Н. Н. Бобринский», посвященной правнуку Хомякова, Борис Федорович вспоминал: «Когда я в 1960-х гг. стал заниматься славянофилами, и в первую очередь А. С. Хомяковым, то с грустью узнал о разрушении знаменитого дворянского гнезда в Москве — Собачьей Площадки и ликвидации родового дома Хомяковых. Зато мне удалось узнать адрес и телефон внучки Алексея Степановича Марии Алексеевны. Она — дочь Ольги Алексеевны, младшей дочери славянофила. <...> Мария Алексеевна любезно откликнулась на мою просьбу посетить ее, я был дружелюбно принят, но с кратким „экзаменом“, в который входил и важный для нее вопрос: „Как вы относитесь к православию?“ (я честно ответил, что вырос в разночинной нерелигиозной семье и сам далек от Церкви; а славянофилами и православием интересуюсь как ценными объектами нашей культуры; сердечно славянофилы мне близки характерами и воззрениями)» (Архив Б. Ф.).

Чуть позже в том же 1969 г., когда развернулась журнальная полемика о славянофильстве, вышел том «Стихотворения и драмы» А. С. Хомякова в Большой серии «Библиотеки поэта» (подписан в печать 7 августа), целиком подготовленный Б. Ф. Егоровым и поныне признаваемый образцовым в научном отношении. Это был настоящий прорыв. Любопытно, что именно пронизательными суждениями о религиозной составляющей поэзии Хомякова он спустя 20 лет привлек сочувственное внимание такого видного специалиста, как профессор Питтсбургского университета Л. Г. Кёлер-Земмеринг (в монашестве Иоанна). В исследовании «Православие и русская литература» (1988) она сочувственно цитировала давнюю статью Бориса Федоровича: «Хомяков говорит не только как пророк: некоторые его стихотворения перелагают как бы „глас Божий“ („Суд Божий“, „По прочтении псалма“). Поэт как бы выступает непосредственно от имени Бога, стихотворения его приобретают библейскую четкость, торжественность» (Егоров, 1969а, 38); [Кёлер, 1988, 468]. Здесь ученый в подцензурной советской печати совершенно свободно и бесстрашно формулировал ключевые характеристики, отличавшие духовную лирику Хомякова от тематически схожих произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Правда, ранее, в 1960 г., в той же книжной серии «Библиотека поэта» А. Г. Дементьев и Е. С. Калмановский издали том «Стихотворений и поэм» И. С. Аксакова. Однако откровенно негативное отношение публикаторов к славянофильству как таковому заставило их прибегнуть к известной формуле «вопреки...» и к месту и не к месту утверждать, что «всеми своими достоинствами... поэзия И. Аксакова обязана тому, что она во многом отступает от славянофильского правоверия и следует за самой жизнью» [Дементьев, Калмановский, 1960, 30].

Гроза разразилась в 1964 г., когда С. И. Машинский подготовил для «Библиотеки поэта» том «Поэты кружка Н. В. Станкевича», включавший значительную часть поэтического наследия «старшего славянофила» Константина Аксакова, сопровождаемую весьма сочувственной биографической статьей о нем [Машинский, 1964]. В течение нескольких месяцев цензоры и некоторые именитые поэты (прежде всего член редколлегии «Библиотеки поэта» А. А. Прокофьев) требовали изъять ряд

славянофильских и религиозных стихотворений. В результате книга вышла с купюрами и небывало малым тиражом (10 000 экз.). Впрочем, Б. Ф. Егорову, к тому времени ставшему заместителем главного редактора серии, удалось отстоять значительную часть предназначенных к изданию текстов, послав гранки в московскую цензуру и в ЦК партии и объехав с разъяснением сложившейся ситуации членов редколлегии, чтоб заручиться их поддержкой. 12 июня он записал в Дневнике: «...пришлось вести долгую беседу с цензором, убеждая его, что стихи кружка Станкевича не представляют опасности для современной молодежи. А он мне всё нудел о религиозных и упаднических мотивах, кот<орые> могут повлиять (Господи, грош цена тогда той молодежи, которая соблазнится в религию или декаданс от плохих стихов 150-летней давности!..)» (Егоров, 2020, 413–414). 27 сентября С. И. Машинский подписал экземпляр многострадальной книги ее главному защитнику: «Дорогому Борису Федоровичу Егорову, с чувством душевной приязни. С. Машинский» (Архив Б. Ф.).

Мы подробно остановились на этой истории, связанной с борьбой за право исследователей научно издавать литературное наследие прошлого, не подстраиваясь под идеологическую конъюнктуру, потому как, вероятно, явная несправедливость запретов и необходимость отстаивания позиций науки сыграли свою роль в том, что впоследствии Б. Ф. Егоров стал, говоря высоким слогом, рыцарственно служить вечно гонимым (как в XIX, так и в XX в.) славянофилам, разумеется, не идеализируя их, но стремясь честно исследовать их труды и жизненный путь.

Прорывным проектом оказался не только том поэзии Хомякова 1969 г., но и изданный спустя без малого 20 лет том его статей и очерков под названием «О старом и новом» (Хомяков А., 1988)¹. Оба эти издания были снабжены добротным историко-литературным комментарием, содержали сведения о первых публикациях, отзывах современников, цензурных перипетиях и др. В тексте очерка «Разговор в Подмосковной» (1856) по рукописи были даны две страницы, отсутствовавшие в его предыдущих публикациях. Главное же — Борис Федорович стал первопроходцем в сложнейшей текстологической работе: он, исследовав все доступные рукописные и печатные источники произведений Хомякова в архивах и главных книгохранилищах страны, изучив многочисленные цензурные документы, мемуарные и эпистолярные свидетельства, материалы, затерявшиеся на полосах малодоступных газет и журналов XIX столетия, в результате представил корпус художественного и публицистического наследия основоположника славянофильства, который заслуженно был признан научным сообществом собранием канонических текстов писателя-классика.

Б. Ф. Егоров подготовил также двустороннюю переписку Хомякова с князем В. Ф. Одоевским (Одоевский, Хомяков, 1970), неизданную статью Хомякова о латышах (Хомяков А., 1990) и заметки его отца о постановках на сцене трагедии «Ермак» (Хомяков С., 1998); опубликовал интересную статью «А. С. Хомяков и украинский вопрос» (Егоров, 2002а), подготовил том статей и лирики Хомякова к его 200-летию (Хомяков А., 2004).

В 2017 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, при Центре по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени, инициативная группа под руководством Б. Ф. Егорова приступила к подготовке Полного собрания сочинений и писем Хомякова, которое предполагается выпустить в 12 томах. Первый том увидел свет в мае 2021 г., и открылся он обстоятельной статьей Б. Ф. Егорова «А. С. Хомяков — поэт и религиозный публицист» (Егоров, 2021).

Почему же из всех славянофилов именно Хомяков так привлекал ученого? Думаю, он сам ответил на этот вопрос — в своей вступительной статье к тому «Стихотворения и трагедии», когда писал о присущих писателю (в отличие от его товарищей-славянофилов) веселости, радости, «оптимистичности мироощущения»:

¹ О связанных с реализацией проекта сложностях, в течение без малого десяти лет преодолевшихся благодаря энергии и настойчивости Б. Ф. Егорова, см. в статье Д. А. Федорова [Федоров, 2016, 909–910].

«...жизнь в идеале мыслилась Хомяковым не только гармонической, но и *радостной*»; «хомяковскую веселость следовало бы отождествить именно с *радостью*, но он любил веселость и как остроумие, необычность, изменчивость, уничтожающую автоматизм, банальность размеренной жизни, даже жизни религиозной» (Егоров, 1969а, 32); «сам Хомяков всегда был полон надежд. Оптимистичность взгляда, вера в будущее своеобразно окрасили его поэзию» (Егоров, 1969а, 33).

В этом отношении Хомякову был особенно близок его исследователь. Жизнелюбие и веселость, склонность к шутке, к розыгрышу, мистификации, каламбуру — эти качества Б. Ф. Егорова особенно проявились в дружеском общении с Ю. М. Лотманом и его женой З. Г. Минц (Егоров, 2008). Лицо Бориса Федоровича всегда излучало радость, светилось доброжелательностью, его улыбка согревала и вызывала ответную добрую реакцию. Это был стиль его жизни и, как мне кажется, прежде всего в этом заключался секрет его творческого долголетия и необыкновенного обаяния его личности.

И еще одна существенная особенность характера Хомякова была глубоко укоренена в структуре личности Б. Ф. Егорова. Он писал о поэте: «Культ рыцарства, рыцарской этики своеобразно соединится с другими чертами хомяковской идеологии. Сила и мужественность всегда будут для Хомякова положительными ценностями, но обязательно в сочетании с благородством и милосердием» (Егоров, 1969а, 9). Конечно, концепт «рыцарство» здесь освобожден от каких-либо узкоконфессиональных, прежде всего католических, коннотаций, — для Хомякова это в первую очередь знак приобщения к романтическому культу великодушия и жертвенной преданности Богу и ближним. И, словно сговорившись, рыцарем называли Хомякова и такие выдающиеся его современники, как К. С. Аксаков (в поэтическом послании «К А. С. Х[омякову]» — «Спеши, о рыцарь нежный...», 1849) [Аксаков, 2020, 348–349]) и А. И. Герцен, и столь известные исследователи его творчества, как Н. А. Бердяев и С. П. Жаба. Приведем наиболее характерные их высказывания о мыслителе: «Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие Богородицу, спал вооруженный» [Герцен, 1956, 156–157]; «Пленительно в Хомякове его рыцарское отношение к Православной Церкви, его верность. Хомяков отрицательно относился к западному рыцарству, но сам был настоящим рыцарем Православия, одним из немногих у нас рыцарей» [Бердяев, 1912, 60]; «Хомяков — рыцарь свободы; Хомяков, возводивший царскую власть не к воле Божией, а к воле народа, не мог обрести иного отношения власти при Николаевском режиме» [Жаба, 1954, 34].

Наконец, третья и наиболее важная черта сходства. К Борису Федоровичу всецело приложимо то, что сказал о Хомякове в 1860 г. его младший современник Н. П. Гиляров-Платонов, журналист и религиозный публицист, близкий к славянофилам: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: *любовь*. Любовь — это, действительно, первое и последнее слово, к которому сводились все его убеждения. В любви Хомяков признавал не только высшее начало деятельности в практическом смысле, но и высшее начало знания, единственное твердое обеспечение истины» [Гиляров-Платонов, 1900, 44]. В одном из интервью Борис Федорович поделился с журналисткой, беседовавшей с ним, своей излюбленной мыслью, метафорически поясняющей его понимание жизни и места в ней научного творчества, — понимание, предполагающее братство людей, честно и самозабвенно служащих делу просвещения: «У меня есть идея островов. Вот громадный океан, мы его не можем переделать по-своему, очистить. Надо создавать острова. И я с младых лет создаю около себя эти острова учителей и товарищей, которые дают возможность существовать. И на таком острове активная жизнь и творчество — один из способов выживания. И любовь» [Менделеева, 2015]. Ключевое слово тут — *любовь*. Оно как нельзя лучше соответствует глубинной сути личности Б. Ф. Егорова и объясняет секрет его обаяния. Любовь — к человеку, к истине, к Отечеству, к жизни — должна была быть стержневым элементом в структуре личности писателей и общественных деятелей прошлого, чтоб на изучение их творчества направил

свои усилия Б. Ф. Егоров. И таковы, действительно, Ап. А. Григорьев, В. Г. Белинский, Боткины, Н. А. Добролюбов, А. С. Хомяков...

Другими славянофилами, помимо Хомякова, Б. Ф. Егоров так сосредоточенно не занимался, как бы передоверив изучение их наследия своим любимым, наиболее талантливым ученикам. В 1974 г. диссертацию «К. С. Аксаков-фольклорист» защитила его аспирантка Е. И. Анненкова (ныне профессор, заведующая кафедрой РГПУ им. А. И. Герцена), а в 1980 г. диссертацию «Философские искания И. В. Киреевского и развитие русского художественного сознания в первой половине XIX века» — В. А. Котельников (ныне также профессор, главный научный сотрудник ИРЛИ РАН). Славянофильской журналистикой и научной публикацией писем И. С. Аксакова и мемуаров А. И. Кошелева в серии «Литературные памятники» деятельно занималась профессор МГУ Т. Ф. Пирожкова, также называющая себя ученицей и другом Бориса Федоровича. Славянофильскую проблематику с упором на изучение религиозно-философских вопросов уже не один десяток лет разрабатывают его ученицы Л. Ф. Луцевич и Н. В. Володина — профессора Варшавского и Череповецкого университетов соответственно.

Вместе с тем Б. Ф. Егоров начиная с 2010 г. являлся председателем редколлегии академической серии «Славянофильский архив», издающейся при ИРЛИ (на сегодняшний день вышло 6 томов), главным редактором нового 12-томного Собрания сочинений И. С. Аксакова (в 2015 г. увидел свет 1-й том в двух книгах) и 10-томного Собрания сочинений и писем Ап. Григорьева (в конце 2020 г. были изданы первые два тома), членом редколлегии 10-томного Собрания сочинений и писем К. С. Аксакова (в 2019 г. вышел 1-й том, в 2020 г. — 2-й).

Кроме того, перу Б. Ф. Егорова принадлежит ряд ценных словарных статей о славянофилах: И. В. Киреевском и Ю. Ф. Самарине (Егоров, 1971а, 1971б), а также о Хомякове как славяноведе (Егоров, 1979); работы о связях славянофилов с такими писателями, как М. Ю. Лермонтов (Егоров, 1981), Вяч. И. Иванов (Егоров, 1993) и А. Н. Островский (Егоров, 2008б). Большой интерес представляют исследования Б. Ф. Егорова теоретического характера, затрагивающие существенные стороны славянофильства. Перечислим наиболее важные: «Славянофильство, западничество и культурология» (Егоров, 1973), «О национализме и панславизме славянофилов» (Егоров, 1991б), «Некоторые особенности русских славянофилов на фоне японского традиционализма» (Егоров, 1996), «Славянофилы и западники как типы русской интеллигенции» (Егоров, 2002б), «Старшие славянофилы как утописты» (Егоров, 2004в), «Старшие славянофилы о власти и обществе» (Егоров, 2009б). Некоторые статьи были посвящены частным вопросам славянофильского движения; среди них выделяются следующие: «Добролюбов об Аксаковых» (Егоров, 1989), «А. М. Иванцов-Платонов — ученый, публицист, литературный критик» (Егоров, 1994), «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик» (Егоров, 2003а), «Последний год „Русской беседы“» (Егоров, 2011)...

Пока еще слишком трудно осознать, что Бориса Федоровича нет с нами. Его научно-литературная деятельность в последнее время отличалась такой интенсивностью, была столь плодотворна, что в ближайшие два-три года будут выходить тома собраний сочинений, для которых он готовил тексты и комментарии, книги разных авторов с его предисловиями, увидит свет объемный сборник его статей и очерков, который планировалось издать к его 95-летию. Борис Федорович успел определить его состав, распределить материалы по четырем озаглавленным им разделам, дал сборнику название — «Личное и внешнее на пути к всеобщему вечному».

Поэтому, несмотря на кончину ученого, еще рано подводить черту и делать окончательные выводы. Еще предстоит детально осмыслить вклад Б. Ф. Егорова в изучение литературной деятельности славянофилов, которое осуществлялось им многоаспектно, всесторонне и широкомасштабно, во взаимосвязях с их современниками, предшественниками и продолжателями, в движении и эволюции. Талантливые исследования ученого выглядят как выдающиеся новаторские произведения, в которых сказано значимое слово о славянофилах и во многом по-новому трактуется жизнь русского человека XIX в.

Завершим же нашу статью публикацией краткого заочного выступления Б. Ф. Егорова на последней конференции по проблемам славянофильства, организованной 23–24 мая 2019 г. в Пушкинском Доме Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени и приуроченной к 200-летию со дня рождения Ю. Ф. Самарина. Надо сказать, что Борис Федорович редко пропускал такие мероприятия, однако на этой конференции присутствовать не мог, поскольку 21 мая должен был выехать в Москву по редакционным делам словаря «Русские писатели» и для оппонирования докторской диссертации в Смоленске.

По нашей просьбе он написал «приветствие» Конференции, которое было включено в программу первым пунктом и зачитано при открытии пленарного заседания. Этот текст позволяет еще раз соприкоснуться с энергией мысли замечательного ученого, так много сделавшего в науке, и в частности в деле изучения славянофильства.

Приветствие Конференции к 200-летию со дня рождения Ю. Ф. Самарина

Рад, что в XXI веке не ослабевают интерес к выдающемуся деятелю нашего Отечества: мое любимое издательство «Росток» заканчивает печатание 5-томного Собрания сочинений Самарина, и вот организуется конференция к 200-летию со дня его рождения.

Радуюсь и вздыхаю: жалею, что не смог в молодых годах довести до реализации замысел написать о Самарине статью или главу книги, а материал уже большой собрал. И был тогда поражен, как многое совершенно новое оставалось еще неизвестно даже специалистам. Особенно — поразительный радикализм славянофила! В ЦГИАМе (ныне — ГАРФе) меня потрясла жандармская выписка из письма Самарина к А. О. Смирновой-Россет от 31 декабря 1854 г., где обсуждалось убийство видного петербургского сановника Оленина его крепостными; и вот какое Самарин сделал обобщение: «Что сказать о таком порядке вещей, при котором бунт и убийство представляются единственно возможным способом сохранения себя и других — при известной обстановке убийство делается подвигом самоотвержения. *C'est Charlotte Cordey delivrant sa patrie de la tyrannie de Marat* [Это Шарлотта Корде, освобождающая отечество от тирании Марата (*фр.*)]. В этом положении находятся 11 миллионов людей в земле, которая перед Европою называет себя ковчегом законности и порядка» (ГАРФ, 23). Против крепостного права выступали все вожди славянофильства, но чтобы прославлять кинжал Шарлотты Корде... Тут Самарин оказывался уникален. Я не проверял, опубликовано ли теперь данное письмо, но не помню, чтобы кто-то из исследователей его цитировал.

Тужу, что волею судеб в дни Конференции я не буду в Питере, но надеюсь на обнародование материалов. Хочется увидеть разработки трудов Самарина на ниве литературной критики и биографические исследования. Между прочим, прошу учесть ценный справочник о родословной Самарина (начиная с Артамона Матвеева в XVII веке!), сведения о котором почему-то отсутствуют в добротной Библиографии к статье Н. И. Цимбаева в 5-м томе словаря «Русские писатели, 1800–1917»: [Золотарев, 1927].

Горячо и возвышенно приветствую Конференцию к 200-летию со дня рождения Ю. Ф. Самарина!

Б. Ф. Егоров. Май 2019 г.

Источники и литература

Источники

1. Архив Б. Ф. — Личный архив Б. Ф. Егорова.
2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 89.
3. Егоров (1969а) — *Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 5–56. (Б-ка поэта. Большая сер.)*.
4. Егоров (1969б) — *Егоров Б. Ф. Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 128–135.*
5. Егоров (1971а) — *Егоров Б. Ф. Киреевский Иван Васильевич // Русские писатели: биобиблиогр. словарь / Сост. А. П. Спасибенко, Н. М. Гайденков. М.: Просвещение, 1971. С. 350–352.*
6. Егоров (1971б) — *Егоров Б. Ф. Самарин Юрий Федорович // Русские писатели: биобиблиогр. словарь / Сост. А. П. Спасибенко, Н. М. Гайденков. М.: Просвещение, 1971. С. 582–584.*
7. Егоров (1971в) — *Егоров Б. Ф. Славянофильство // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Стб. 930–935.*
8. Егоров (1973) — *Егоров Б. Ф. Славянофильство, западничество и культурология // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1973. Вып. 308. С. 265–275.*
9. Егоров (1979) — *Егоров Б. Ф. Хомяков Алексей Степанович // Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиогр. словарь / Отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Наука, 1979. С. 354–355.*
10. Егоров (1980) — *Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики: жанры, композиция, стиль. Л.: Сов. писатель, 1980. 320 с.*
11. Егоров (1981) — *Егоров Б. Ф. Славянофилы и Лермонтов // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Стб. 508–510.*
12. Егоров (1982) — *Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 269 с.*
13. Егоров (1988) — *Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л.: Наука, 1988. 240 с.*
14. Егоров (1989) — *Егоров Б. Ф. Добролюбов об Аксаковых // Абрамцево: материалы и исследования / Гос. ист.-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». М., 1989. Вып. 2: Аксаковские чтения: материалы научных конференций 1985 и 1987 гг. С. 14–16.*
15. Егоров (1991а) — *Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины 1860-х годов. Л.: Искусство, 1991. 336 с.*
16. Егоров (1991б) — *Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Вопросы литературы. 1991. № 7. С. 84–95.*
17. Егоров (1993) — *Егоров Б. Ф. Вячеслав Иванов и русские славянофилы // Русский текст. СПб.; Лоуренс (Канзас, США), 1993. № 1. С. 43–57.*
18. Егоров (1994) — *Егоров Б. Ф. А. М. Иванцов-Платонов — ученый, публицист, литературный критик // Поиск смысла: сб. статей участников междунар. науч. конф. «Русская культура и мир» (Нижний Новгород, сент. 1993 г.) / Отв. ред. К. З. Акопян. Н. Новгород: Нижегород. пед. ин-т иностр. языков, 1994. С. 33–42.*
19. Егоров (1996) — *Егоров Б. Ф. Некоторые особенности русских славянофилов на фоне японского традиционализма // Из истории русской культуры / Сост. Б. Ф. Егоров и А. Д. Кошелев. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. V: XIX век. С. 476–479.*
20. Егоров (1999) — *Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 384 с. (Новое лит. обозрение. Науч. прил.; вып. XIX).*
21. Егоров (2000) — *Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. М.: Мол. гвардия, 2000. 220 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 770).*
22. Егоров (2001) — *Егоров Б. Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск: Водолей, 2001. 512 с.*
23. Егоров (2002а) — *Егоров Б. Ф. А. С. Хомяков и украинский вопрос // А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества / Отв. ред. В. А. Кошелев. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 26–30. (Хмелитский сб.; вып. 5).*

24. Егоров (2002б) — *Егоров Б. Ф.* Славянофилы и западники как типы русской интеллигенции // *Весье: альманах гуманист. кафедр Балашовского филиала Саратов. гос. ун-та.* Балашов, 2002. № 18. С. 61–65.
25. Егоров (2003а) — *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // *Теоремы культуры: Независимая академия эстетики и свободных искусств: к 10-летию основания: юбил. сб. статей.* М., 2003. С. 286–296. (Академические тетради; вып. 9).
26. Егоров (2003б) — *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана: история русской литературы и культуры. М: Языки славянской культуры, 2003. 368 с. (*Studia philologica*).
27. Егоров (2004а) — *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб.: Наука, 2004. 320 с.
28. Егоров (2004б) — *Егоров Б. Ф.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. 472 с.
29. Егоров (2004в) — *Егоров Б. Ф.* Старшие славянофилы как утописты // *А. С. Хомяков: Личность — творчество — наследие / Отв. ред. В. А. Кошелев.* Смоленск, 2004. С. 203–207. (Хмелитский сб.; вып. 7).
30. Егоров (2007) — *Егоров Б. Ф.* Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
31. Егоров (2008а) — *Егоров Б. Ф.* Каламбуры у Ю. М. Лотмана // *ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. С. Крюков.* Воронеж: ВГПУ, 2008. С. 62–66.
32. Егоров (2008б) — *Егоров Б. Ф.* Островский и славянофилы // *А. Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. / Ред.-сост. И. А. Овчинина.* Шуя, 2008. Вып. 2. С. 16–21.
33. Егоров (2009а) — *Егоров Б. Ф.* Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. 664 с.
34. Егоров (2009б) — *Егоров Б. Ф.* Старшие славянофилы о власти и обществе // *Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение / Отв. ред. А. Н. Цамутали.* СПб.: Нестор-история, 2009. С. 90–102.
35. Егоров (2011) — *Егоров Б. Ф.* Последний год «Русской беседы» // «Русская беседа»: история славянофильского журнала: исследование, материалы, постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского, О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 236–246. (Славянофильский архив; кн. 1).
36. Егоров (2012) — *Егоров Б. Ф.* Обман в русской культуре. СПб.: Росток, 2012. 192 с.
37. Егоров (2013) — *Егоров Б. Ф.* Воспоминания-2. СПб.: Росток, 2013. 384 с.
38. Егоров (2016) — *Егоров Б. Ф.* Творческая жизнь Бориса Чичибабина. СПб.: Росток, 2016. 192 с.
39. Егоров (2020) — *Егоров Б. Ф.* Дневник за май — начало августа 1964 года / Вступ. ст., подг. текста и комм. А. П. Дмитриева // *Литературный архив советской эпохи / Отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова.* СПб.: Росток, 2020. Кн. 2. С. 397–456.
40. Егоров (2021) — *Егоров Б. Ф.* А. С. Хомяков — поэт и религиозный публицист // *Хомяков А. С. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / ИРЛИ РАН; ГИМ; изд. подг. А. П. Дмитриев и Б. Ф. Егоров.* СПб.: Росток, 2021. Т. 1. С. 5–70.
41. Лотман и др. (2018) — *Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров.* Переписка, 1954–1993 / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев, при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб.: Полиграф, 2018. 720 с.
42. Одоевский, Хомяков (1970) — Переписка кн. В. Ф. Одоевского с А. С. Хомяковым / Публ. Б. Ф. Егорова и М. И. Медового // *Ученые записки Тартуского гос. университета.* Тарту, 1970. Вып. 251. С. 335–349.
43. Хомяков А. (1988) — *Хомяков А. С.* О старом и новом: статьи и очерки / Сост., вступ. ст., и комм. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. 462 с. (Б-ка «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).
44. Хомяков А. (1990) — *Хомяков А. С.* Латыши, их язык и литература / Публ. Б. Ф. Егорова; вступ. ст. и коммент. С. Г. Исакова // *Ученые записки Тартуского гос. университета.* Тарту, 1990. Вып. 883. С. 52–57.
45. Хомяков А. (2004) — *Хомяков А. С.* Избранное: [в 2 т.] / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. Тула: Пересвет, 2004. [Т. 1]: Проза. Поэзия. 335 с.
46. Хомяков С. (1990) — *Хомяков С. А.* Замечания на представление трагедии «Ермак» в Санктпетербурге на Малом театре: 1-е — 27 августа, 2-е — 10 сентября и 3-е — 17-го сентября

Литература

47. Аксаков (2020) — *Аксаков К. С.* Собрание сочинений: в 10 т. / ИРЛИ РАН; изд. подг. Е. И. Анненкова, А. П. Дмитриев, М. Д. Кузьмина. СПб.: Росток, 2020. Т. 2. 648 с.
48. Бердяев (1912) — *Бердяев Н. А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. VIII, 252 с.
49. Герцен (1956) — *Герцен А. И.* Былое и думы // *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. IX. 568 с.
50. Гиляров-Платонов (1900) — *Гиляров-Платонов Н. П.* О судьбе убеждений: по поводу смерти А. С. Хомякова // *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений: в 2 т. СПб.: изд. К. П. Победоносцева, 1900. Т. II. С. 34–62.
51. Дементьев, Калмановский (1960) — *Дементьев А., Калмановский Е.* Поэзия Ивана Аксакова // *Аксаков И.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 5–30. (Б-ка поэта. Большая сер.).
52. Дмитриев (2016) — *Дмитриев А. П.* Борис Федорович Егоров: к 90-летию со дня рождения: библиографический указатель, список научных докладов и оппонированных диссертаций / ИРЛИ РАН. СПб.: Росток, 2016. 144 с.
53. Жаба (1954) — *Жаба С. П.* Русские мыслители о России и человечестве: антология русской общественной жизни. Париж: YMCA-Press, 1954. 285 с.
54. Золотарев (1927) — *Золотарев В.* Родословные А. С. Пушкина, гр. Л. Н. Толстого, П. Я. Чаадаева, Ю. Ф. Самарина, А. И. Герцена кн. П. А. Кропоткина, кн. С. Н. Трубецкого // *Русский евгенический журнал.* 1927. Т. 5, вып. 3/4. С. 113–132.
55. Кёлер (1988) — *Кёлер Л.* Православие и русская литература // Юбилейный сборник в память тысячелетия Крещения Руси, 988–1988. Джорданвилль (Н. Й.), 1988. С. 434–496.
56. Ляпина (2016) — *Ляпина Л. Е.* Борис Федорович Егоров // *Культура и текст.* Барнаул, 2016. № 2 (25). С. 215–219.
57. Машинский (1964) — *Машинский С. И.* К. С. Аксаков // *Поэты кружка Н. В. Станкевича.* Л.: Сов. писатель, 1964. С. 279–288. (Б-ка поэта. Большая сер.).
58. Менделеева (2015) — *Менделеева Д.* Борис Егоров: Любовь и острова // *Pravmir.ru.* 28 января 2015. URL: <http://www.pravmir.ru/boris-egorov-lyubov-i-ostrova/> (дата обращения: 29.05.2021).
59. Патриарх (2016) — [Без подписи]. Патриарх литературоведения // *Санкт-Петербургские ведомости.* 2016. 1 июня. № 96. С. 3.
60. Пять книг (2013) — [Без подписи]. Пять книг недели // *Независимая газета: Ex libris.* 2013. 7 ноября. № 40. С. 1.
61. Федоров (2016) — *Федоров Д. А.* Отклики читателей на цензурные преследования газеты И. С. Аксакова «Москва» (1867) // *Острова любви БорФеда: сборник в честь 90-летия Б. Ф. Егорова / Ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков.* СПб.: Росток, 2016. С. 909–917.
62. Шатин (2006) — *Шатин Ю.* Борису Федоровичу Егорову — 80 лет // *Критика и семиотика.* Новосибирск, 2006. Вып. 10. С. 5.